

Доходы региональных бюджетов в начале 2022 г.: основные тенденции и факторы риска

Александра Леонидовна Осмоловская-Суслина

E-mail: asuslina@eeg.ru, ORCID: 0000-0001-6135-8709

Экономическая экспертная группа, Москва 107031, Российская Федерация; Научно-исследовательский финансовый институт Минфина России, Москва 127006, Российская Федерация

София Романовна Борисова

E-mail: s.borisova@eeg.ru, ORCID: 0000-0002-2746-7351

Экономическая экспертная группа, Москва 107031, Российская Федерация; Научно-исследовательский финансовый институт Минфина России, Москва 127006, Российская Федерация

Аннотация

Данная работа ставит своей целью рассмотреть первые эффекты внешних шоков 2022 г. на доходы бюджетов субъектов Российской Федерации, а также выявить факторы риска, которые могут привести к снижению поступлений в региональные бюджеты при усилении санкционного давления. Актуальность исследования предопределена временным фактором — с начала кризиса прошло менее года. В статье исследуется динамика доходов региональных бюджетов в 2022 г. в целом, а также проводится более детальный качественный анализ ситуации в одиннадцати регионах, выбранных в соответствии с динамикой бюджетных поступлений в период март–июнь 2022 г. (сразу после введения санкций). В работе показано, что доходы региональных бюджетов уже начали реагировать на санкционный кризис, однако эффект внешних шоков проявляется в различных регионах с разной скоростью. Выявлено, что наиболее подверженным риску видом поступлений является налог на прибыль, а наиболее устойчивым — НДФЛ. Среди основных факторов риска для региональных доходов выделяется роль добывающего сектора в ВРП, товарная и страновая структуры внешней торговли, а также (в меньшей степени) государственная антикризисная поддержка малого и среднего бизнеса.

Ключевые слова: налоги, доходы бюджета, региональный бюджет, бюджетные риски

JEL: E64, H24, H25, H72

Для цитирования: Осмоловская-Суслина А. Л., Борисова С. Р. Доходы региональных бюджетов в начале 2022 г.: основные тенденции и факторы риска // Финансовый журнал. 2022. Т. 14. № 6. С. 25–43. <https://doi.org/10.31107/2075-1990-2022-6-25-43>.

© Осмоловская-Суслина А. Л., Борисова С. Р., 2022

<https://doi.org/10.31107/2075-1990-2022-6-25-43>

Regional Budget Revenues in Early 2022: Main Trends and Risk Factors

Aleksandra L. Osmolovskaya-Suslina¹, Sofiia R. Borisova²

^{1,2} *Economic Expert Group, Moscow 107031, Russian Federation*

^{1,2} *Financial Research Institute, Moscow 127006, Russian Federation*

¹ asuslina@eeg.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6135-8709>

² s.borisova@eeg.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2746-7351>

Abstract

The purpose of this paper is to shed light on the impact of 2022 external shocks on Russia's sub-federal budget revenues and to identify the main revenue side risks that should be considered if sanctions pressure increases. The relevance of the study is determined by the time factor: less than six months have passed since the beginning of the crisis. The authors examine the dynamics of regional budget revenues in 2022 as a whole and provide a detailed qualitative analysis of the situation in eleven regions, selected in accordance with the dynamics of their budget revenues in March-June 2022 (soon after the introduction of sanctions).

The analysis shows that regional budget revenues have already begun to respond to the sanctions, however, the external shocks manifest themselves in different regions with different speed. It was revealed that the most vulnerable to the crisis is the CIT, while the PIT is relatively stable. The main risk indicators for regional budget revenues are the share of the extractive sector in GRP, the structure of regional foreign trade (both by commodity and by country) and the state anti-crisis support of SMEs.

Keywords: taxes, budget revenues, regional budget, budget risks

JEL: E64, H24, H25, H72

For citation: Osmolovskaya-Suslina A.L., Borisova S.R. (2022). Regional Budget Revenues in Early 2022: Main Trends and Risk Factors. *Financial Journal*, vol. 14, no. 6, pp. 25–43 (In Russ.). <https://doi.org/10.31107/2075-1990-2022-6-25-43>.

© Osmolovskaya-Suslina A.L., Borisova S.R., 2022

ВВЕДЕНИЕ

2020–2022 гг. для российской экономики можно назвать периодом очень большой турбулентности. В 2020 г. подорвал состояние российской экономики и истощил ресурсы бюджетной системы глобальный пандемический кризис, и всего через год — после небольшой передышки и восстановительного роста — российская экономика столкнулась с новым шоком — экономическими санкциями.

Поскольку за развитием ситуации исследователи наблюдают в режиме реального времени, т. е. без необходимой для расчетов статистики, оценивать макроэкономические и бюджетные последствия «санкционного кризиса» представляется задачей весьма трудной. В таких условиях возможен только качественный анализ, а любые количественные оценки будут иметь характер экспертного мнения.

Тем не менее некоторая работа с данными все-таки возможна. В этой статье мы поставили задачу проанализировать динамику доходов субфедеральных бюджетов и выявить основные риски, которым подвержены бюджетные доходы регионов. Для углубленного

анализа было выбрано несколько регионов-представителей, на основе исследования которых были сделаны выводы о значимых для региональных доходов рисках.

Выбор объекта исследования — доходы отдельных субфедеральных бюджетов — объясняется несколькими причинами. Во-первых, уникальностью российских регионов и их различиями, которые нивелируются или компенсируются при переходе на более высокий уровень макроэкономического агрегирования. Во-вторых, отсутствием должного внимания этому вопросу со стороны макроэкономических исследований. Работы, посвященные реакциям бюджетных показателей на кризис, в основном рассматривают либо бюджетную систему в целом [Мазур и др., 2021; Козлова и др., 2022; Рыженкова и др., 2021], либо федеральные округа [Климанов и др., 2021; Захарчук и др., 2021], либо один регион [Ахунов и др., 2021; Мусаева, 2021; Дранко и др., 2021; Смышников, 2021]. Редкие статьи обращаются к более глубокому анализу по совокупности отдельных регионов [Кантемиров и др., 2022]. Ряд исследований направлен на выявление факторов рисков бюджетных доходов, например [Фрумина, 2018; Косов, 2018], однако они в основном сосредоточены на анализе федерального бюджета. Также нам удалось найти всего одну публикацию, посвященную влиянию санкционного кризиса 2022 г. на бюджеты регионов, однако и в ней рассматривается только консолидированный бюджет регионов без анализа отдельных субъектов [Землянский и др., 2022].

Таким образом, литература по обобщенному анализу «бюджетных» реакций на экономические шоки в региональном разрезе весьма малочисленна. В-третьих, санкционные шоки 2022 г. — это в некотором смысле уникальный для России кризис, который, вероятно, будет иметь несколько стадий экономических и бюджетных последствий, и потому имеет смысл зафиксировать результаты и скорость распространения самых первых эффектов произошедшего шока.

Данная статья организована следующим образом. В первом разделе будут даны общие выводы относительно динамики доходов региональных бюджетов в 2022 г., а также описан алгоритм выбора регионов для углубленного анализа. Во втором и третьем разделах мы рассмотрим факторы, которые могут оказывать влияние на динамику доходов региональных бюджетов. В разделе 4 (заключении) будут сформулированы основные выводы.

ДОХОДЫ РЕГИОНОВ В 2022 г.

Для анализа динамики собственных доходов¹ региональных бюджетов и лучшего понимания, что является нормальным для каждого региона, авторами была подробно изучена статистика бюджетных доходов по 85 субъектам Российской Федерации в помесечной разбивке за последние восемь лет с упором на динамику в период с 2021 по 2022 г. Поскольку первые пакеты санкций в 2022 г. были введены в конце февраля, то для целей данного исследования и лучшего выявления основных тенденций 2022 г. акцент был сделан на анализе поступлений в период март–июнь 2022 г., т. е. за четыре месяца после введения санкций. Отметим при этом, что включение в анализ первых двух месяцев 2022 г., когда в экономике в целом наблюдалось ускорение экономического роста и общее восстановление после пандемического кризиса, нецелесообразно, поскольку размывает эффект, который текущая ситуация может оказывать на поступления в бюджет.

В целом по России в период март–июнь 2022 г. собственные доходы региональных бюджетов в реальном выражении росли. Рост составил 8,9% по отношению к аналогичному

¹ Под собственными доходами здесь и далее понимаются доходы региональных бюджетов, очищенные от межбюджетных трансфертов.

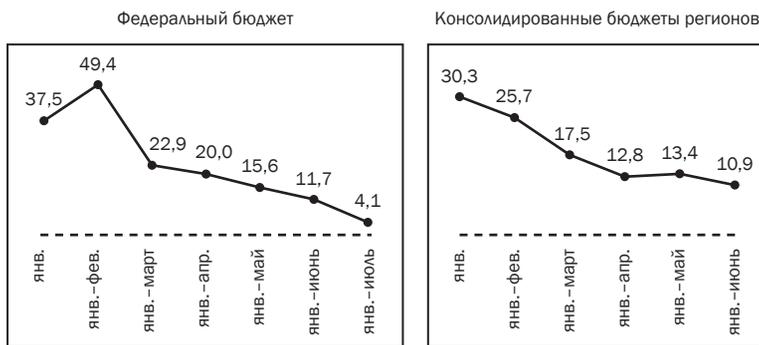
периоду 2021 г. Если оценивать агрегированные показатели, можно сделать вывод, что доходы субъектов РФ на текущий кризис никак не отреагировали. Однако, если спуститься на одну ступень агрегирования, видно, что рост доходов наблюдался далеко не во всех регионах. Почти в половине субъектов РФ (особенно в ЦФО) имело место заметное снижение поступлений в бюджет.

Отметим при этом, что регионы с разной скоростью и в разной степени реагируют на случившийся внешний шок. Однако в подавляющем большинстве регионов с марта 2022 г. заметен тренд на снижение поступлений по отношению к аналогичному периоду 2021 г.: в одних регионах переход от роста доходов к падению произошел практически сразу, в других имело место замедление темпов роста бюджетных доходов. Примеры регионов с различной динамикой доходов приведены в Приложении.

К слову, этот тренд согласуется и с общероссийской динамикой бюджетных доходов: и консолидированные бюджеты регионов в целом, и федеральный бюджет демонстрируют в 2022 г. схожую динамику — темпы роста доходов (в реальном выражении) в 2022 г. с каждым месяцем сокращаются (см. рис. 1).

Рисунок 1

Рост доходов бюджетной системы в реальном выражении в 2022 г., в процентах по отношению к аналогичному периоду 2021 г. / Budget revenue growth in 2022 as a percentage to the same period in 2021 (in real terms)

Источники: данные ГУФК, Росстата, расчеты авторов / Sources: authors` calculations, Federal State Statistics Service, Federal Treasury data.

Для более детального анализа было решено выбрать несколько регионов-представителей. Для полноты охвата всего многообразия субъектов РФ регионы были разделены на группы на основании реальных темпов роста в марте–июне 2022 г. к соответствующему периоду прошлого года. Первые две группы соответствуют квантилям с наименьшими значениями, два следующих диапазона (3-я и 4-я группы) выбраны зеркально диапазонам первых двух групп, в пятую группу вошли регионы с сильно выбивающимися из общей картины наибольшими темпами роста (см. табл. 1).

Далее было выбрано 11 регионов: по два региона из каждой группы и дополнительно Москва как наиболее крупный и в некотором смысле уникальный субъект РФ. Выбор конкретных регионов из группы обоснован принципом наибольшего вклада в совокупные доходы субъектов РФ², а также их географическим положением (пять регионов в европейской части страны и пять — за Уралом).

² Если же регионы имели одинаковый вклад, то выбор производился по удельному весу региона в общем изменении суммы поступлений в бюджеты субъектов РФ.

Таблица 1

**Границы темпов роста доходов бюджета в группах регионов
за период март–июнь 2022 г. /
Groups of regions by budget revenues growth rates for the period of March–June 2022**

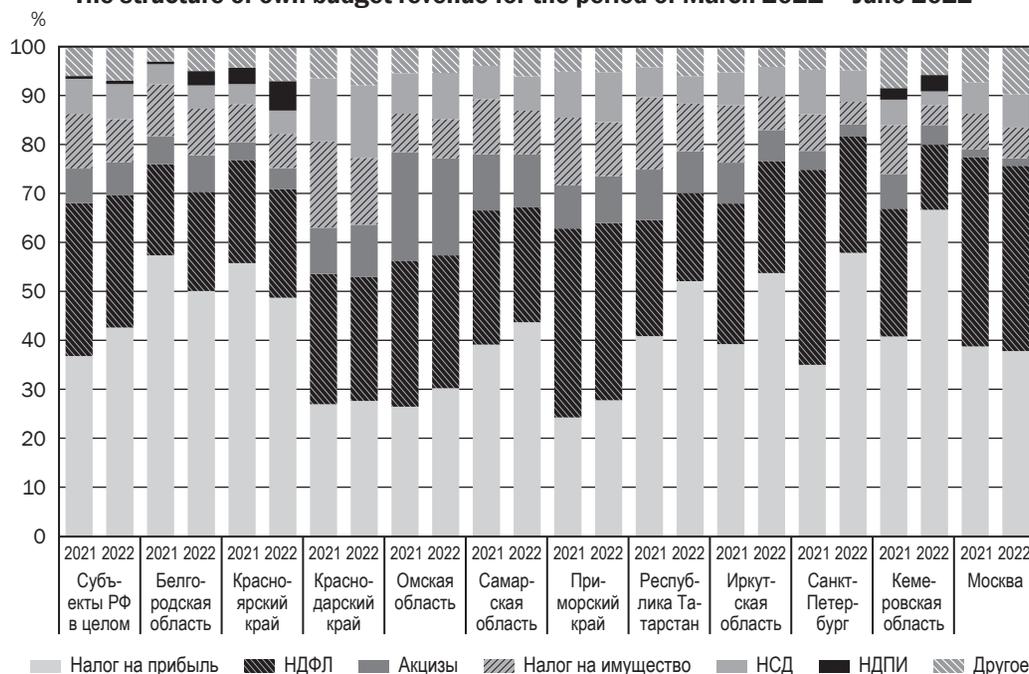
Группа	Описание	Нижняя граница темпов роста, %	Верхняя граница темпов роста, %	Количество регионов	Регионы-представители
1	Сильное падение	77,7	94,0	20	Белгородская область, Красноярский край
2	Умеренное падение	94,1	100,0	21	Краснодарский край, Омская область
3	Умеренный рост	100,1	106,0	17	Самарская область, Приморский край, г. Москва
4	Быстрый рост	106,1	128,0	16	Республика Татарстан, Иркутская область
5	Очень быстрый рост	128,1	198,3	10	г. Санкт-Петербург, Кемеровская область

Источник: данные ГУФК, расчеты авторов / Source: authors` calculations, Federal Treasury data.

На графиках ниже представлена структура доходов консолидированного бюджета выбранных субъектов РФ и в целом по России. Анализ структуры доходов позволяет выявить наиболее значимые налоги для региональных бюджетов, а также наличие сдвигов, которые могли произойти в кризисный период (рис. 2).

Рисунок 2

**Структура поступлений собственных доходов регионов
за период с марта 2021 по июнь 2022 г. /
The structure of own budget revenue for the period of March 2021 — June 2022**

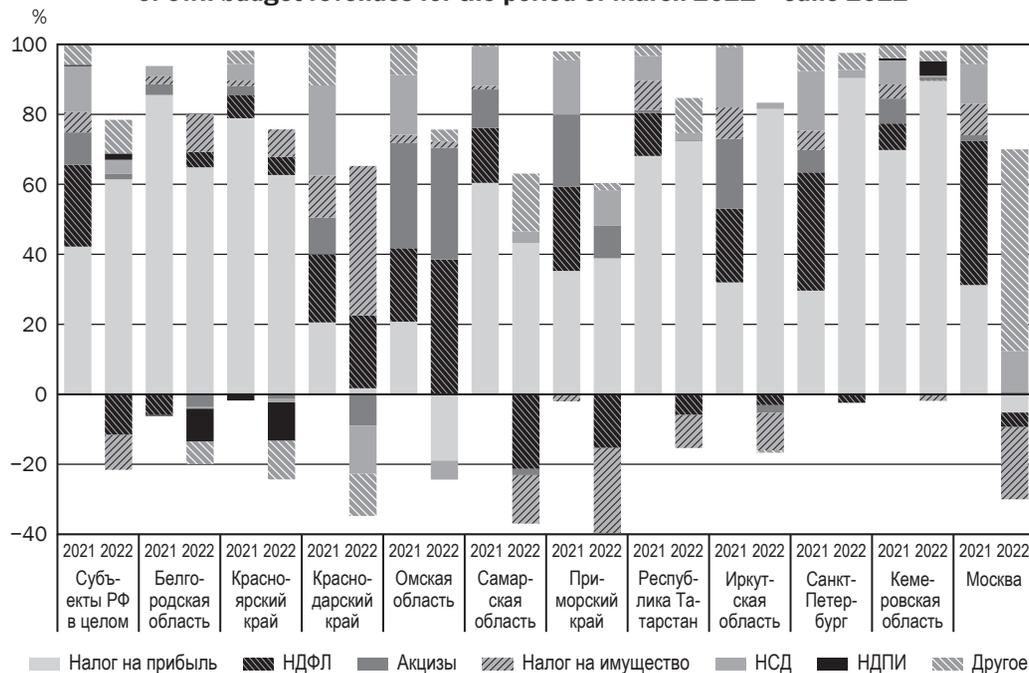
Источник: данные ГУФК, расчеты авторов / Source: authors` calculations, Federal Treasury data.

В среднем по РФ около 70% доходов приходится на налог на прибыль и НДФЛ, при этом доля налога на прибыль больше: в 2021 г. — около 37%, в 2022 г. — около 43%. Подобное

характерно для всех рассматриваемых регионов, причем в большинстве из них доля налога на прибыль превышает среднероссийский уровень. Исключение составляют Краснодарский край и Омская область, в которых НДФЛ и налог на прибыль в совокупности дают немногим более 50% (рис. 2).

Рисунок 3

Вклад отдельных видов поступлений в общую динамику собственных доходов бюджетов за период с марта 2021 по июнь 2022 г. / The share of certain types of receipts to the overall dynamics of own budget revenues for the period of March 2021 – June 2022

Источник: данные ГУФК, расчеты авторов / Source: authors` calculations, Federal Treasury data.

В целом по России основной вклад в изменение доходов региональных бюджетов в 2022 г. внес налог на прибыль (см. рис. 3). В рассматриваемых регионах в основном схожая картина. Исключение — Краснодарский край и Омская область, в которых доля налога на прибыль не так велика, а также Москва, в которой существенную долю в доходах бюджета составляют прочие поступления (госпошлина, доходы от использования гос. имущества, продажа активов, штрафы и пр.).

Отдельно стоит отметить, что в марте происходят доплаты за прошлый год по налогу на прибыль, в связи с чем период март–июнь для данного налога оказывается не очищенным от влияния предыдущего налогового периода. В табл. 2 для сравнения представлена динамика налога на прибыль за четыре и три месяца 2022 г. Как можно видеть, в среднем по России динамика не слишком различается между двумя периодами, однако на уровне отдельных регионов проявляются отличия. У большинства регионов динамика совпала по направленности, но усиливалась, то есть если в марте–июне наблюдалось падение или рост, то в апреле–июне падение было глубже или, соответственно, рост был сильнее³.

³ В то же время в двух регионах динамика различается между периодами — в Красноярском крае с учетом доплат предыдущего года налог на прибыль падал, без них — показывал рост, в Самарской области, наоборот, поступления росли с учетом доплат, но падали без них.

Таблица 2

**Динамика налога на прибыль в марте–июне и апреле–июне 2022 г.
в процентах по отношению к аналогичному периоду 2021 г., в сопоставимых ценах /
Dynamics of income tax in March–June and April–June 2022
compared to the same period in 2021, in comparable prices, %**

Группа	Регион	март–июнь	апрель–июнь
	Субъекты РФ в целом	↑ 26,0	↑ 26,5
1	Белгородская область	↓ -23,6	↓ -29,5
	Красноярский край	↓ -21,1	↑ 3,7
2	Краснодарский край	↓ -0,7	↓ -10,0
	Омская область	↑ 7,8	↑ 9,6
3	Самарская область	↑ 15,8	↓ -15,2
	Приморский край	↑ 17,0	↑ 24,5
	г. Москва	↓ -0,6	↓ -7,7
4	Республика Татарстан	↑ 54,8	↑ 83,8
	Иркутская область	↑ 65,9	↑ 55,8
5	г. Санкт-Петербург	↑ 166,8	↑ 241,0
	Кемеровская область – Кузбасс	↑ 223,9	↑ 178,9

Источник: данные ГУФК, расчеты авторов / Source: authors' calculations, Federal Treasury data.

Таким образом, наиболее уязвимой статьёй доходов ко всем экономическим шокам в большинстве рассматриваемых регионов является налог на прибыль. Это связано не только с его значительной долей в структуре поступлений, но и с реакцией компаний: в кризис предприятия в последнюю очередь прибегают к сокращению штата, сохраняя численность работников за счет снижения прибыли. В результате поступления по налогу на прибыль в бюджет сокращаются, а НДФЛ остается относительно стабильным⁴.

МАКРОЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ

Целью этого раздела является выявление основных макроэкономических факторов, оказывающих влияние на динамику бюджетных поступлений. Будут рассмотрены отраслевая структура ВРП, особенности внешней торговли региона, а также доходы населения.

В связи с тем что большинство макроэкономической статистики по регионам публикуется либо только в годовом разрезе, либо с большой задержкой, анализ макроэкономических рисков будет производиться на основании данных за 2019–2020 гг. — как пример докризисного периода и периода кризиса. Ниже представлены таблицы структуры доходов в 2019 г. (табл. 3) и их динамики в 2020 г. (табл. 4)

Таблица 3

**Структура собственных доходов региональных бюджетов в 2019 г. /
Structure of regional budget revenue in 2019, %**

	Налог на прибыль	НДФЛ	Акцизы	Налог на имущество	НСД*	НДПИ	Другое
Субъекты РФ в целом	30,5	36,0	6,9	12,3	5,4	0,8	8,1
Белгородская область	32,8	30,6	8,2	15,9	4,0	1,6	6,9

⁴ Данный вывод обоснован для большинства рассматриваемых регионов, однако есть и исключения. Так, в некоторых регионах основной вклад в изменение доходов оказывают другие виды поступлений (например, акцизы, налоги на имущество, НДФЛ или другие доходы).

	Налог на прибыль	НДФЛ	Акцизы	Налог на имущество	НСД*	НДПИ	Другое
Красноярский край	48,0	26,1	4,1	8,9	3,2	5,3	4,3
Краснодарский край	22,0	35,3	9,4	18,2	8,5	0,1	6,6
Омская область	20,2	36,6	20,2	9,4	7,2	0,0	6,4
Самарская область	30,0	33,9	10,7	14,4	5,1	0,0	5,7
Приморский край	22,6	41,5	7,5	13,7	7,9	0,5	6,3
Республика Татарстан	37,2	27,3	11,9	13,3	4,2	0,0	6,1
Иркутская область	36,9	33,1	6,9	11,9	4,9	1,3	5,1
г. Санкт-Петербург	30,5	44,6	4,0	8,4	6,6	0,0	5,9
Кемеровская область — Кузбасс	30,7	33,6	6,7	10,0	4,2	4,5	10,4
г. Москва	33,8	40,6	1,7	8,0	5,0	0,0	11,0

* НСД — налоги на совокупный доход.

Источник: данные ГУФК, расчеты авторов / Source: authors` calculations, Federal Treasury data.

Таблица 4

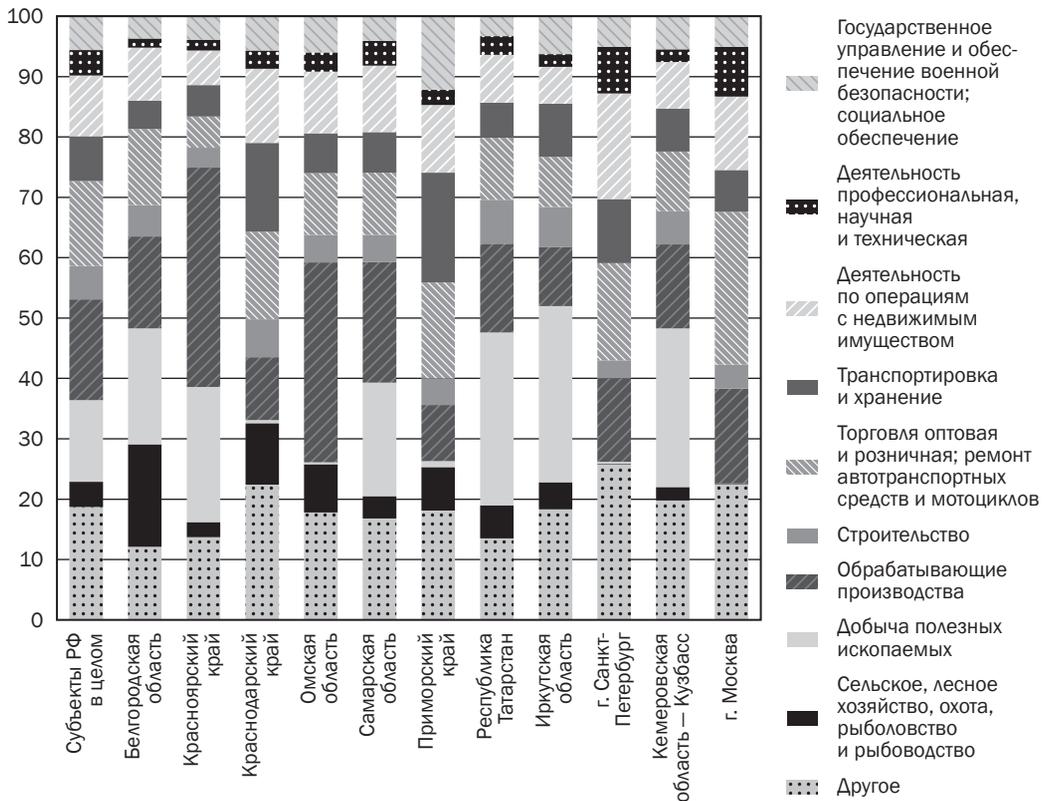
**Динамика доходов по основным видам поступлений
в 2020 г. к 2019 г., в сопоставимых ценах, % /
Budget revenues dynamics by types,
comparison between 2020 and 2019, in comparable prices, %**

	Налог на прибыль	НДФЛ	Акцизы	Налог на имущество	НСД	НДПИ	Другое	Всего
Субъекты РФ в целом	-15,7	4,0	2,2	-2,8	-4,0	-4,8	-14,6	-5,0
Белгородская область	-17,6	5,2	-5,3	-0,4	0,3	-24,5	18,1	-3,8
Красноярский край	-16,6	5,3	-5,2	-12,2	-6,6	11,0	1,9	-7,4
Краснодарский край	-14,4	-15,7	-5,4	-5,9	-2,8	-16,6	-9,0	-11,1
Омская область	-7,4	10,0	7,8	-3,9	-11,5	-3,0	-7,8	2,1
Самарская область	-20,3	0,8	8,6	-2,3	0,1	17,7	-7,8	-5,7
Приморский край	-27,2	2,2	-2,5	0,3	-16,7	8,5	-17,3	-7,7
Республика Татарстан	-43,6	-0,3	4,4	2,3	-2,8	5,2	-24,1	-17,0
Иркутская область	-18,6	2,5	4,2	-6,2	-0,6	30,2	10,5	-5,6
г. Санкт-Петербург	-9,8	5,4	-5,2	-2,8	-4,1	-117,0	-15,1	-2,2
Кемеровская область — Кузбасс	-40,9	-3,1	-7,2	-2,8	-7,5	-36,3	-12,6	-17,6
г. Москва	-11,2	8,1	-4,6	-0,6	-3,3	-4,3	-11,2	-2,0

Источник: данные ГУФК, расчеты авторов / Source: authors` calculations, Federal Treasury data.

Пандемической кризис 2020 г. подтверждает тезис о том, что наиболее уязвимым видом доходов для региональных бюджетов является налог на прибыль, а наиболее устойчивым — НДФЛ. Как видно из таблицы выше, снижение поступлений по налогу на прибыль было самым существенным, в то время как НДФЛ снижался только в трех из 12 рассматриваемых регионов, и при этом максимальный уровень падения по НДФЛ соответствовал среднему уровню падения по налогу на прибыль.

Анализ структуры добавленной стоимости ВРП регионов позволяет выявить наиболее значимые отрасли для экономики выбранных регионов. Так, самым важным с точки зрения потенциального риска показателем является доля сектора добычи полезных ископаемых. Этот сектор напрямую зависит от колебаний конъюнктуры сырьевого рынка и непосредственно определяет связь между падением цен на сырье и поступлениями в региональный бюджет. Причем в случае добычи «неуглеводородных» полезных ископаемых речь идет обо всей совокупности основных налогов (НДПИ, налог на прибыль, НДФЛ), а в случае добычи углеводородов — только о налогах на прибыль и доходы, поскольку НДПИ по углеводородам целиком поступает в федеральный бюджет.

Отраслевая структура ВРП по выбранным регионам, 2019 г., % /
GRP structure by sectors, 2019, %

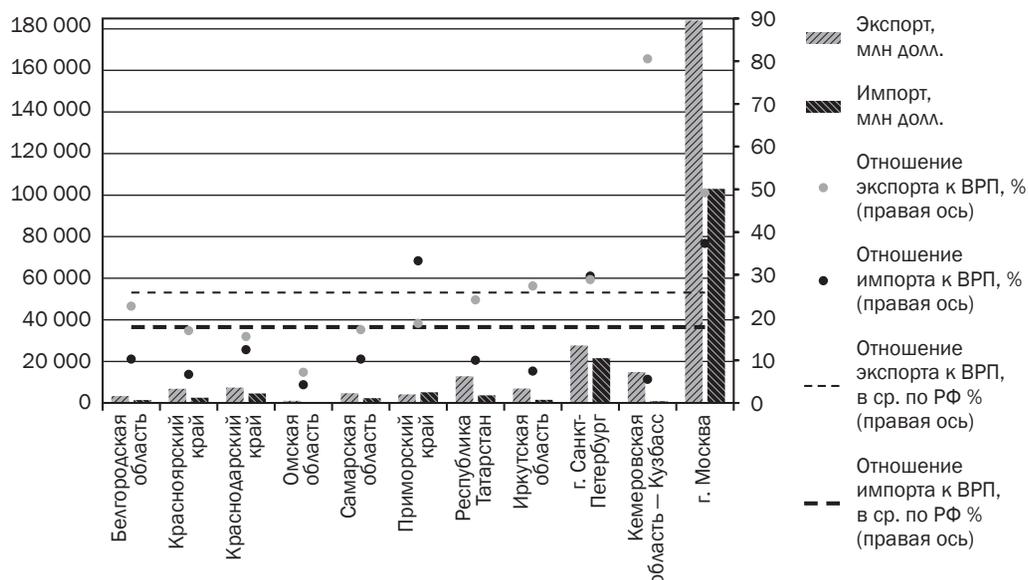
Источник: данные Росстата, расчеты авторов / Source: authors' calculations, Federal State Statistics Service data.

Как видно из рис. 4, у ряда регионов (в частности, у Красноярского края, Белгородской, Иркутской, Кемеровской, Самарской областей и Республики Татарстан) доля добывающего сектора сравнительно высока (выше среднероссийского показателя). Соответственно, в этих же регионах доходы бюджетов в наибольшей степени завязаны на «благополучии» добывающего сектора. При этом вклад НДПИ в доходы бюджета в этих регионах различается, и в регионах, где добывается главным образом углеводородное сырье (Республика Татарстан и Самарская область), он незначителен.

Следующая группа макроэкономических факторов риска лежит в области внешней торговли субъекта РФ. Может показаться, что экспорт и импорт влияют только на доходы федерального бюджета, поскольку экспортные пошлины и налоги на импорт зачисляются только в него. Однако это утверждение не вполне верно, поскольку экономика регионов сильно зависит от деятельности компаний, осуществляющих внешнюю торговлю. Ограничения на нее приведут к снижению прибыли данных предприятий, в худшем случае — к сокращениям и даже банкротствам.

В эту группу факторов риска входят такие показатели, как: 1) отношение экспорта и импорта к ВРП (отражает зависимость экономики регионов от внешней торговли в целом), 2) отношение экспорта сырья к ВРП (отражает зависимость от внешней конъюнктуры) и 3) отношение внешнеторгового оборота с недружественными странами к ВРП (отражает степень уязвимости экономики региона к внешнеторговым ограничениям).

Экспорт и импорт в выбранных регионах, 2019 г. /
Export and import in selected regions, 2019

Источники: данные ФТС и Росстата, расчеты авторов / Sources: authors` calculations, Federal State Statistics Service, Federal Customs Service data.

Влияние внешней торговли на доходы бюджета региона растет по мере роста отношения экспорта/импорта к ВРП. В среднем по РФ экспорт составляет около 26% ВРП, импорт — около 18% (см. рис. 5). Наибольшее значение экспорт имеет для Кемеровской области, Москвы, Санкт-Петербурга и Иркутской области, импорт — для Москвы, Санкт-Петербурга и Приморского края. Наименьшее совокупное влияние на экономику региона — около 11% от ВРП — внешняя торговля оказывает в Омской области. То есть какими бы «богатыми» ни были регионы, если отношение экспорта сырья к ВРП высоко, при снижении цен на экспортируемое сырье (при неизменном курсе доллара) в таких регионах будет происходить резкое снижение налога на прибыль (табл. 5). Подобное характерно, например, для Республики Татарстан, Санкт-Петербурга, Москвы и Кемеровской области, в которых в кризис 2020 г. поступления налога на прибыль показали значительное снижение.

Таблица 5

Уровень зависимости экономик регионов от экспорта сырья, 2019 г. /
Regional economy dependence on raw materials export, 2019

	Экспорт, % ВРП	Доля экспорта минеральных продуктов к общему объему экспорта, %	Экспорт минеральных продуктов, % ВРП	Доля экспорта металлов и изделий из них к общему объему экспорта, %	Экспорт металлов, % ВРП
Субъекты РФ в целом	26	49,10	12,69	9,50	2,45
Белгородская область	23	8,45	1,91	68,86	15,58
Красноярский край	17	11,05	1,87	61,84	10,44
Краснодарский край	15	49,58	7,68	9,31	1,44
Омская область	7	1,49	0,11	2,83	0,20
Самарская область	17	32,68	5,58	8,11	1,39

	Экспорт, % ВРП	Доля экспорта минеральных продуктов к общему объему экспорта, %	Экспорт минеральных продуктов, % ВРП	Доля экспорта металлов и изделий из них к общему объему экспорта, %	Экспорт металлов, % ВРП
Приморский край	19	18,21	3,39	3,99	0,74
Республика Татарстан	24	76,00	18,31	0,87	0,21
Иркутская область	27	34,39	9,40	27,38	7,48
г. Санкт-Петербург	29	73,93	21,34	5,99	1,73
Кемеровская область – Кузбасс	81	78,24	62,99	16,88	13,59
г. Москва	49	83,51	41,04	0,72	0,35

Источник: данные ФТС, составлено авторами / Source: authors` calculations, Federal Customs Service data.

Динамика показателей, связанных с добычей и экспортом сырья в 2020 г., почти во всех рассматриваемых регионах была отрицательна. Учитывая описанные выше особенности регионов, можно заключить, что наибольшее влияние на бюджет регионов падение экспорта сырья оказало в Кемеровской области и Республике Татарстан, поскольку в этих регионах значительная доля добычи полезных ископаемых в ВРП сочетается со значительным вкладом экспорта сырья в ВРП. Из всех рассматриваемых регионов именно в этих двух в 2020 г. наблюдалось наибольшее падение налога на прибыль).

Страновая структура внешней торговли включает в себе риск дальнейших ограничений торговых отношений с недружественными странами (табл. 6). Наибольшее влияние торговли с такими странами на доходы бюджета имеет место в Москве, Санкт-Петербурге и Кемеровской области. При продолжении и/или усилении санкционного давления именно в регионах с высокой значимостью торговли с недружественными странами следует ожидать наибольшего снижения поступлений. Заметим при этом, что переориентация внешней торговли на другие страны может не обеспечить полного замещения, в том числе из-за опасений потенциальных торговых партнеров попасть под вторичные санкции.

Таблица 6

**Уровень зависимости экономик рассматриваемых регионов
от торговли с недружественными странами, 2019 г. /
Regional economy dependence on trade with unfriendly countries, 2019**

	Экспорт, % ВРП	Доля экспорта в недруж. страны, %	Импорт, % ВРП	Доля импорта в недруж. страны, %	Экспорт в недруж. страны, % ВРП	Импорт в недруж. страны, % ВРП	Торговый оборот с недруж. странами, % ВРП
Субъекты РФ в целом	25,8	52,2	17,8	49,3	13,5	8,8	22,2
Белгородская область	22,6	42,8	10,2	72,2	9,7	7,4	17,1
Красноярский край	16,9	63,8	6,6	65,3	10,8	4,3	15,1
Краснодарский край	15,5	20,9	12,4	27,2	3,2	3,4	6,6
Омская область	7,2	29,6	4,3	39,8	2,1	1,7	3,8
Самарская область	17,1	27,6	10,2	59,1	4,7	6,0	10,7
Приморский край	18,6	14,8	33,3	27,0	2,8	9,0	11,7
Республика Татарстан	24,1	74,6	9,9	59,1	18,0	5,9	23,8
Иркутская область	27,3	34,6	7,4	56,8	9,5	4,2	13,7
г. Санкт-Петербург	28,9	68,2	29,6	44,2	19,7	13,1	32,8
Кемеровская область – Кузбасс	80,5	44,2	5,5	65,7	35,6	3,6	39,2
г. Москва	49,1	57,0	37,3	50,4	28,0	18,8	46,8

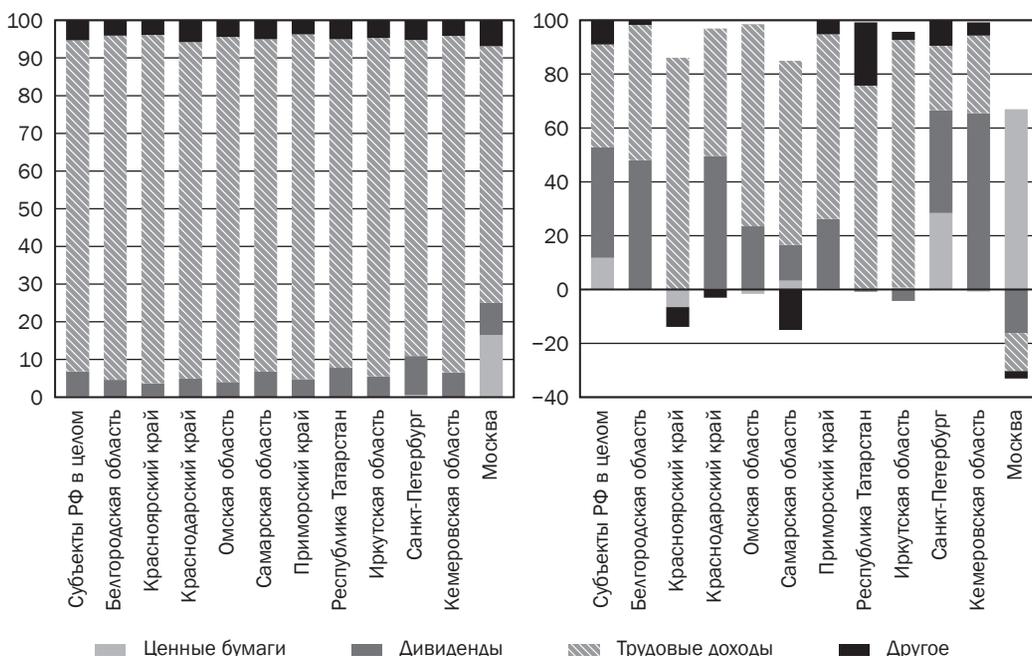
Примечание: в категорию недружественных включены такие страны, как члены ЕС, Великобритания, США, Канада, Япония, Австралия.

Источник: данные ФТС, составлено авторами / Source: authors` calculations, Federal Customs Service data.

Среди макроэкономических факторов риска стоит отметить также показатель «доходы населения», который является базой для поступлений НДФЛ. Из анализа данных по динамике и структуре доходов населения видно, что, несмотря на подавляющую долю зарплат в совокупных доходах населения (2019 г.), их вклад в снижение доходов регионального бюджета в кризис (2020 г.) сильно варьируется от субъекта к субъекту — от максимального влияния в Красноярском крае и Иркутской области до минимального — в Москве, Санкт-Петербурге и Кемеровской области (см. рис. 6). В регионах с меньшим вкладом трудовых доходов в изменение общих доходов бюджета их влияние на динамику НДФЛ также уменьшается.

Рисунок 6

Доходы населения по декларациям, структура в 2019 г. (левый график), вклад разных категорий доходов в общую динамику доходов населения в 2020 г. (правый график), % / PIT structure in 2019 (left graph), share of different categories of income in its overall dynamics in 2020 (right graph), %

Примечание: расчет произведен с учетом вычетов по НДФЛ.
 Источник: данные ФНС, расчеты авторов / Source: authors` calculations, Federal Tax Service data.

Выявление связи между динамикой НДФЛ и динамикой доходов населения требует более глубокого анализа, однако на текущем этапе исследования можно сделать вывод, что между этими показателями, скорее всего, имеет место нелинейная зависимость, которая и приводит к сильной вариативности реакций региональных бюджетов на изменение доходов населения и изменение их структуры.

АНТИКРИЗИСНАЯ ПОДДЕРЖКА

Говоря о налогах в кризисный период, стоит выделить еще один фактор, оказывающий влияние на прибыль компаний и, следовательно, на поступления в бюджет. Речь идет о государственной поддержке бизнеса и антикризисных программах, в частности, о пакетах мер

для малого и среднего бизнеса (МСП), как наиболее часто встречающемся направлении в региональных программах государственной помощи.

В среднем по России (и в большинстве выбранных регионов) МСП обеспечивает около 20% ВРП и до 13% доходов региональных бюджетов. И хотя подобные цифры могут показаться не столь высокими, чтобы оказывать значимое влияние на доходы региональных бюджетов, в кризис бюджетные доходы испытывают давление одновременно со всех сторон, и даже относительно небольшие в абсолютном выражении потери могут обрести значимость. Кроме того, деятельность МСП создает различные положительные мультипликативные эффекты — в частности, через потребительский спрос они вносят свой вклад в поступления по НДС, через занятость — в НДФЛ, через финансовый результат — в налог на прибыль и НДС. Таким образом, акцент на МСП в антикризисных пакетах вполне закономерен: МСП более уязвимы к шокам, в абсолютном выражении требуют меньше средств на поддержку и способны быстрее приспосабливаться к ситуации. Кроме того, отсутствие поддержки может привести к разрастанию теневого сектора, что недопустимо, особенно во время кризиса.

Деятельность МСП в контексте региональных бюджетных доходов в основном отражается в поступлениях НДС и НДФЛ. Статистика поступлений по НДС по регионам соответствует вкладу МСП в ВРП. В частности, в Приморском и Краснодарском краях и в Санкт-Петербурге, у которых наблюдались наибольшие значения по вкладу МСП в ВРП, доля поступлений по НДС также превышает среднероссийские показатели и составляет 8,5, 7,9 и 6,6% соответственно (против 5,4% в среднем по России). На общем фоне выделяется Омская область, у которой доля МСП в ВРП ниже, чем в остальных рассматриваемых регионах, но при этом вклад НДС в доходы выше (7,2%).

Вторым значимым фактором влияния МСП на доходы бюджета являются выплаты по НДФЛ. В среднем по России около 20% работников задействовано в МСП, в Санкт-Петербурге и Москве — около 30%. Даже если предположить, что зарплата в МСП ниже⁵, чем в крупном бизнесе или на госслужбе, то работники малых и средних предприятий обеспечивают не менее 10% всех поступлений по НДФЛ в среднем по России (см. табл. 7).

Прочими поступлениями от МСП в рамках текущего анализа можно пренебречь, поскольку их вклад в бюджетные доходы несоизмеримо мал относительно поступлений от крупных компаний.

Таблица 7

**Уровень зависимости бюджетов рассматриваемых регионов от результатов деятельности МСП, 2019 г., % /
Regional budget dependence on SMEs activities, 2019, %**

	Доля НДФЛ во всех доходах	Доля поступлений НДФЛ от МСП, при одинаковых зарплатах	Доля поступлений НДФЛ от МСП, если зарплата в МСП в два раза меньше	Доля НДС во всех доходах	Общий вклад, при равных зарплатах	Общий вклад, при зарплатах в МСП меньше в два раза
Субъекты РФ в целом	36,0	21,7	10,9	5,4	13,3	9,3
Белгородская область	30,6	17,9	8,9	4,0	9,5	6,7
Красноярский край	26,1	18,9	9,4	3,2	8,2	5,7
Краснодарский край	35,3	20,1	10,1	8,5	15,6	12,1
Омская область	36,6	18,5	9,3	7,2	14,0	10,6
Самарская область	33,9	23,3	11,6	5,1	13,0	9,1
Приморский край	41,5	23,0	11,5	7,9	17,4	12,6
Республика Татарстан	27,3	22,2	11,1	4,2	10,2	7,2
Иркутская область	33,1	20,1	10,0	4,9	11,6	8,2

⁵ Для оценки намеренно использовалось жесткое предположение о том, что зарплата в МСП в два раза ниже, чем в крупных компаниях.

	Доля НДС во всех доходах	Доля поступлений НДС от МСП, при одинаковых зарплатах	Доля поступлений НДС от МСП, если зарплата в МСП в два раза меньше	Доля НДС во всех доходах	Общий вклад, при равных зарплатах	Общий вклад, при зарплатах в МСП меньше в два раза
г. Санкт-Петербург	44,6	34,8	17,4	6,6	22,1	14,3
Кемеровская область — Кузбасс	33,6	16,1	8,1	4,2	9,6	6,9
г. Москва	40,6	29,6	14,8	5,0	17,0	11,0

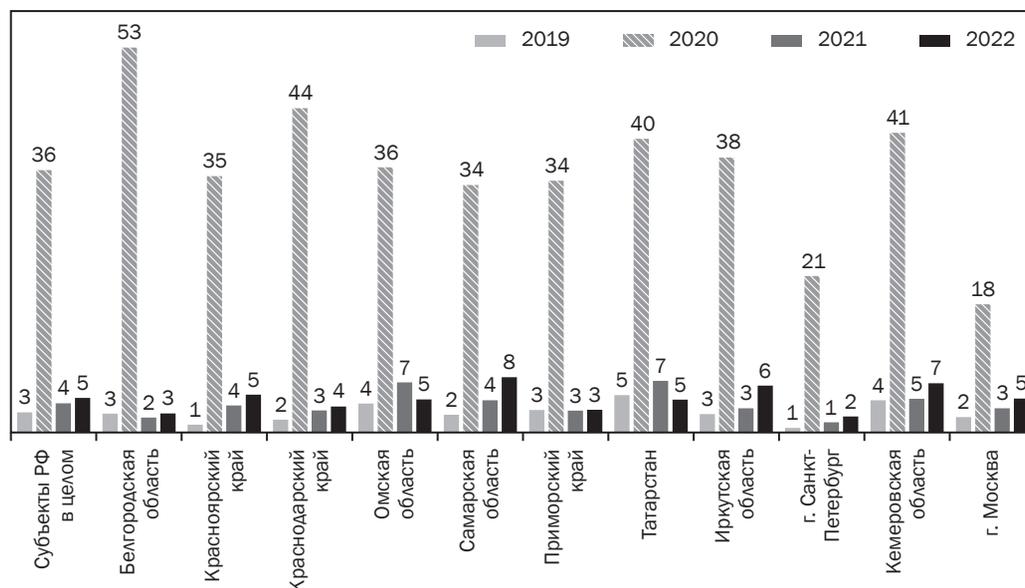
Примечание: НДС полностью формируется деятельностью малых и средних предприятий, доля работников МСП в общем количестве работников приравнена к вкладу МСП в НДС, однако, т. к. зарплаты в крупных компаниях и предприятиях малого и среднего бизнеса могут различаться, рассчитан интервал — при равной средней зарплате и при средней зарплате в МСП ниже в два раза по сравнению с зарплатами в крупных компаниях. Источник: данные ФНС, составлено авторами / Source: authors` calculations, Federal Tax Service data.

На рисунках ниже приведены некоторые количественные характеристики объема антикризисной поддержки в рассматриваемых регионах по годам. Данный анализ необходим для выявления возможной связи между объемами государственной поддержки МСП и динамикой поступлений в бюджет в кризисные периоды (2020 и 2022 гг.).

Так, доля МСП, получавших поддержку в марте–июне 2019, 2021 и 2022 гг., во всех регионах не превышала 10%, при этом объем государственной поддержки значительно вырос во время пандемического кризиса в 2020 г., когда в большинстве выбранных регионов поддержка охватывала более 30% МСП (исключение — Москва и Санкт-Петербург) (см. рис. 7).

Рисунок 7

Доля МСП, получивших поддержку, за период с марта 2019 по июнь 2022 гг., % / Share of SMEs that received support, in March 2019 – June 2022, %

Источники: данные Росстата и ФНС, расчеты авторов / Sources: authors` calculations, Federal State Statistics Service, Federal Tax Service data.

При этом, несмотря на увеличившуюся поддержку, во всех регионах наблюдалось существенное (более чем на 15%) снижение поступлений НДС. Единственным регионом, где снижение НДС было не столь существенным, оказалась Белгородская область, в которой доля поддержки МСП в 2020 г. превысила 50%. В марте–июне 2022 г. доля МСП,

получающих поддержку, находилась примерно на уровне марта–июня 2021 г. При этом за аналогичный период 2022 г. снижения поступлений по НДС не наблюдалось как в среднем по РФ, так и ни в одном из рассматриваемых регионов. Вероятно, это связано с тем, что в отличие от пандемического кризиса в текущем нет внутренних экономических ограничений, которые значительно ударили бы, в частности, по сектору услуг.

Интересно заметить, что в марте–июне 2020 г. рост доли поддерживаемых предприятий происходил за счет снижения средней суммы поддержки на одну компанию. Наибольшую сумму поддержки на одну компанию в 2020 г. можно отметить в Омской области, Москве и Республике Татарстан. В Белгородской области сумма поддержки на одну компанию была одной из наименьших. Рост поддержки МСП на одну компанию в марте–июне 2022 г. наблюдался в среднем по России, но не во всех рассматриваемых регионах (см. табл. 8), при этом в некоторых из них рост происходил одновременно с ростом доли поддерживаемых предприятий.

Таблица 8

**Объем поддержки МСП в выбранных регионах на одну компанию, получившую поддержку, в сопоставимых ценах, за март 2019 – июнь 2022 гг., тыс. руб. /
The volume of support for SMEs per company, in comparable prices,
for March 2019 – June 2022, thousand rub**

	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.
Субъекты РФ в целом	678,2	107,1	565,4	626,5
Белгородская область	169,8	81,4	472,2	948,6
Красноярский край	514,7	77,0	900,2	866,5
Краснодарский край	437,6	71,7	407,8	787,3
Омская область	819,9	183,1	587,4	511,9
Самарская область	541,3	114,4	556,8	323,7
Приморский край	397,7	119,3	1113,1	923,3
Республика Татарстан	738,2	165,2	395,6	674,8
Иркутская область	1010,1	150,0	877,2	857,2
г. Санкт-Петербург	7888,3	126,2	1059,4	1222,8
Кемеровская область	316,1	98,4	224,2	504,8
г. Москва	867,3	176,1	597,1	724,5

Источник: данные ФНС, расчеты авторов / Source: authors' calculations, Federal Tax Service data.

Несмотря на то что даже при наличии господдержки в марте–июне 2020 г. наблюдалось падение НДС, логично предположить, что без нее выпадение доходов могло бы быть выше. Кроме того, в большинстве рассматриваемых регионов в 2021 г. происходил значительный рост поступлений этого налога, что может быть связано в том числе с выплатами налоговых отсрочек, которые были предоставлены бизнесу в рамках антикризисного пакета мер. Таким образом, можно сделать вывод, что без программ государственной поддержки многие компании, возможно, не пережили бы кризис и, следовательно, казна недополучила бы доходов.

В марте–июне 2022 г. падение по НДС еще не было зафиксировано, однако, вероятно, это эффект санкций на МСП будет иметь отложенный характер.

ВЫВОДЫ

Санкционное давление, начавшееся в марте 2022 г., начинает сказываться на доходах бюджетной системы в целом и региональных бюджетов в частности. Почти в половине субъектов РФ совокупные поступления за период март–июнь 2022 г. в реальном выражении оказались ниже аналогичных показателей 2021 г. И хотя возможность применения

количественных методов анализа в контексте данного исследования весьма ограничена, качественный анализ позволяет сделать несколько выводов и выявить несколько показателей, мониторинг которых может определить уязвимость доходной части бюджетов субъектов РФ к внешним потрясениям.

Основным «каналом» реакции негативных шоков на доходы региональных бюджетов является налог на прибыль. Практически все выявленные факторы риска в результате «бьют» именно по поступлениям этого налога. НДФЛ, напротив, демонстрирует относительную устойчивость к потрясениям, что отражает в первую очередь стабильность в динамике показателей рынка труда, а кроме того, — политику компаний, которые в кризис стараются (отчасти добровольно, отчасти принудительно) минимизировать число увольнений.

Все рассмотренные регионы имеют весьма схожую (как между собой, так и со средне-российскими значениями) структуру добавленной стоимости. С точки зрения бюджетных рисков самым важным фактором, на который стоит обратить внимание в структуре ВРП региона, является доля добывающего сектора. Благополучие этого сектора непосредственно влияет на объем бюджетных доходов, причем это влияние происходит не только за счет НДС, но и, как видно в случае регионов, добывающих углеводородное сырье, за счет налога на прибыль.

Несмотря на то что экспортные пошлины и налоги на импорт целиком поступают в федеральный бюджет, нельзя утверждать, что ограничения внешней торговли не оказывают негативного эффекта на экономику и бюджетные доходы регионов. В среднем по РФ экспорт составляет около 26% ВРП, а импорт — порядка 18% от ВРП. Это делает любые ограничения на внешнюю торговлю существенным фактором риска как для экономики региона в целом, так и для бюджетных доходов в частности. И если негативный эффект ограничений на экспорт еще может быть компенсирован за счет переориентации на другие страны, то в случае импорта подобное замещение может потребовать более длительного времени на адаптацию сложившихся производственных цепочек к новым видам станков, комплектующих, материалов и логистике.

К слову, дополнительный риск может быть в регионах, в которых несколько компаний дает большую долю доходов (например, в Красноярском крае десять крупных компаний обеспечивают около 50% доходов регионального бюджета, в Самарской и Омской областях — более 20%). В результате, если макроэкономические факторы или внешние шоки приведут к убыткам такого крупного системообразующего налогоплательщика, вслед за ним могут начать проседать и остальные секторы экономики региона, снижаться внутренний спрос и т. д., что в свою очередь создаст накопительный негативный эффект для доходов бюджета.

Еще одним фактором, который может оказывать влияние на доходы региональных бюджетов, является государственная поддержка бизнеса. Антикризисные пакеты мер, нацеленные главным образом на помощь малым и средним предприятиям, можно отнести к долгосрочным факторам стабильности региональных бюджетов. Хотя вклад МСП непосредственно в доходы регионов не так высок, их участие в экономике региона не стоит недооценивать — это и существенный вклад во внутренний спрос, и рабочие места, и прибыль, и развитие сектора услуг — основного драйвера экономического роста. Таким образом, поддержка МСП, не являясь слишком затратной для государства, имеет пусть небольшой, но очевидно положительный эффект не только на текущие поступления по НДФЛ, НДС и налогу на прибыль, но и на доходы региональных бюджетов в среднесрочной перспективе.

Список источников

- Ахунوف Р. Р., Низамутдинов Р. И. Пандемический кризис в нефтяных регионах России (на примере Республики Башкортостан) // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2021. № 3. С. 4–11. <https://doi.org/10.34773/EU.2021.3.1>.
- Дранко О. И., Логиновский О. В. и др. Модель влияния кризиса на доходы регионального бюджета: анализ Челябинской области // Вестник ЮУрГУ. Серия: Компьютерные технологии, управление, радиоэлектроника. 2021. Т. 21. № 1. С. 90–101. <https://doi.org/10.14529/ctcr210109>.
- Захарчук Е. А., Трифонова П. С. Динамика бюджетных доходов и расходов регионов Уральского федерального округа в условиях пандемии COVID-19 // Вестник Сургутского государственного университета. 2021. № 2. С. 28–42. <https://doi.org/10.34822/2312-3419-2021-2-28-42>.
- Землянский Д. Ю., Климанов В. В. Консенсус-прогноз состояния консолидированных бюджетов регионов России на 2022 год // Экономическое развитие России. 2022. Т. 29. № 4. С. 53–58.
- Кантемиров В. В., Агапова А. А. Особенности формирования доходов бюджетов регионов Российской Федерации // Экономика. Бизнес. Финансы. 2022. № 4. С. 23–29.
- Климанов В. В., Михайлова А. А. Бюджетная децентрализация в пандемию и постпандемийных условиях // Журнал Новой экономической ассоциации. 2021. № 3 (51). С. 218–226. <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2021-51-3-11>.
- Козлова С. С., Шаханина С. Д. Изменение объемов поступлений налогов в федеральный бюджет до и после COVID-19 // Экономика и бизнес: теория и практика. 2022. № 6-1 (88). С. 205–208. <https://doi.org/10.24412/2411-0450-2022-6-1-205-208>.
- Косов М. Е. Анализ рисков потери доходов бюджетной системы Российской Федерации // Научные ведомости БелГУ. Серия: Экономика. Информатика. 2018. № 45 (1). С. 59–66. <https://doi.org/10.18413/2411-3808-2018-45-1-59-66>.
- Мазур Л. В., Монашова А. Э. Налоговые доходы в условиях пандемии: падение или рост в перспективе? // Управленческое консультирование. 2021. № 8 (152). С. 35–42. <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2021-8-35-42>.
- Мусаева Х. М. Анализ проблем формирования и пути укрепления доходов бюджета Республики Дагестан в условиях пандемического кризиса // Индустриальная экономика. 2021. № 5. С. 926–932. https://doi.org/10.47576/2712-7559_2021_5_10_926.
- Рыженкова Е. А., Малышева Н. П. Анализ влияния пандемии на доходы и расходы бюджета РФ / Статистический анализ социально-экономического развития субъектов Российской Федерации: сб. науч. трудов. Брянский государственный инженерно-технологический университет, 2021. С. 398–402.
- Смышников М. А. Формирование и исполнение бюджета г. Севастополя: предпосылки кризиса и меры по его предотвращению / Актуальные проблемы науки и образования в условиях современных вызовов: сб. тезисов конф. 2021. С. 398–405.
- Фрумина С. В. Отдельные вопросы методологии оценки бюджетных рисков // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2018. Т. 11. № 3 (345). С. 313–325. <https://doi.org/10.24891/fa.11.3.313>.

References

- Akhunov R., Nizamutdinov R. (2021). Pandemic Crisis in the Oil Regions of Russia (on the Example of the Republic of Bashkortostan). *Ekonomika i upravlenie: nauchno-prakticheskii zhurnal – Economics and Management: Scientific and Practical Journal*, no. 3, pp. 4–11 (In Russ.). <https://doi.org/10.34773/EU.2021.3.1>.
- Dranko O.I., Loginovskiy O.V. et al. (2021). Modeling of Impact of the Crisis on Regional Budget Revenues: Analysis of Chelyabinsk Region. *Vestnik YuUrGU. Seriya: Komp'yuternye tekhnologii, upravlenie, radioelektronika – Bulletin of the South Ural State University. Ser. Computer Technologies, Automatic Control, Radio Electronics*, vol. 21 (1), pp. 90–101 (In Russ.).
- Zakharchuk E.A., Trifonova P.S. (2021). Dynamics of Budget Revenues and Expenditures of Regions of the Ural Federal District in COVID-19 Pandemic. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo universiteta – Surgut State University Journal*, no. 2, pp. 28–42 (In Russ.).
- Zemlianskii D.Y., Klimanov V.V. (2022). Consensus Forecast of the Consolidated Budgets of Russian Regions for 2022. *Ekonomicheskoe razvitiye Rossii – Russian Economic Development*, vol. 29 (4), pp. 53–58 (In Russ.).
- Kantemirov V.V., Agapova A.A. (2022). Peculiarities of Formation of the Budget Incomes of the Regions of the Russian Federation. *Ekonomika. Biznes. Finansy – Economy. Business. Finance*, no. 4, pp. 23–29 (In Russ.).
- Klimanov V.V., Mikhaylova A.A. (2021). Fiscal Decentralization in Pandemic and Post-Pandemic Times. *Zhurnal Novoi ekonomicheskoi assotsiatsii – The Journal of the New Economic Association*, no. 3 (51), pp. 218–226 (In Russ.). <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2021-51-3-11>.
- Kozlova S.S., Shakhaniina S.D. (2022). Changes in the Volume of Tax Revenues to the Federal Budget Before and After COVID-19. *Ekonomika i biznes: teoriya i praktika – Economics and Business: Theory and Practice*, no. 6-1 (88), pp. 205–208 (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2411-0450-2022-6-1-205-208>.

Kosov M.E. (2018). Risk Analysis the Loss of Revenues of the Budget System of the Russian Federation. *Nauchnye vedomosti BelGU. Seriya: Ekonomika. Informatika – Scientific Statements of BelSU. Series: Economy. Informatics*, no. 45 (1), pp. 59–66 (In Russ.). <https://doi.org/10.18413/2411-3808-2018-45-1-59-66>.

Mazur L.V., Monashova A.E. (2021). Tax Revenues in a Pandemic: Decline or Growth in the Future? *Upravlencheskoe konsul'tirovanie – Administrative Consulting*, no. 8 (152), pp. 35–42 (In Russ.).

Musaeva H.M. (2021). Analysis of the Problems of Formation and Ways of Strengthening Budget Revenues of the Republic of Dagestan in the Context of a Pandemic Crisis. *Industrial'naya ekonomika – Industrial Economy*, no. 5, pp. 926–932 (In Russ.). https://doi.org/10.47576/2712-7559_2021_5_10_926.

Ryzhenkova E.A., Malysheva N.P. (2021). Analysis of the Impact of the Pandemic on Revenues and Expenditures of the Budget of the Russian Federation. In: *Statistical Analysis of the Socio-Economic Development of the Constituent Entities of the Russian Federation: Collection of Studies*. Bryansk State Engineering and Technology University Publ. (In Russ.).

Smyshnikov M.A. (2021). Formation and Execution of the Budget of the City of Sevastopol: Prerequisites for the Crisis and Measures to Prevent it. In: *Actual Problems of Science and Education in the Face of Modern Challenges: Collection of Conference Abstracts* (In Russ.).

Frumina S.V. (2018). Some Issues of the Methodology for Assessing Budget Risks. *Finansovaya analitika: problemy i resheniya – Financial Analytics: Science and Experience*, vol. 11, no. 3 (345), pp. 313–325 (In Russ.). <https://doi.org/10.24891/fa.11.3.313>.

Информация об авторах

Александра Леонидовна Осмоловская-Суслина, руководитель направления «Фискальная политика» Экономической экспертной группы, г. Москва; младший научный сотрудник Центра бюджетного анализа и прогнозирования Научно-исследовательского финансового института Минфина России, г. Москва

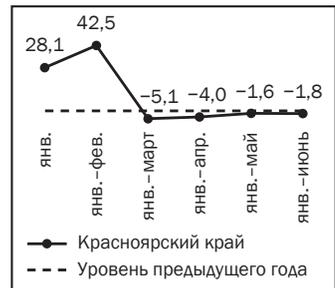
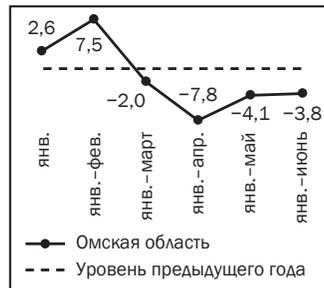
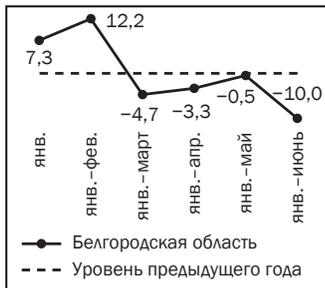
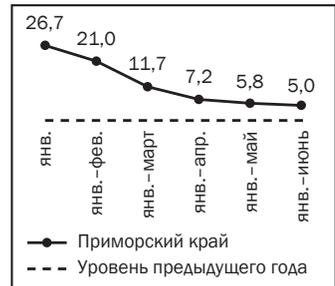
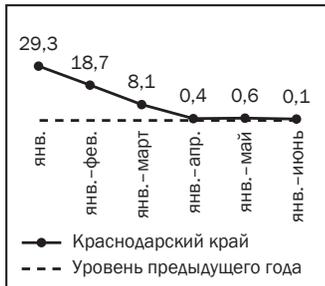
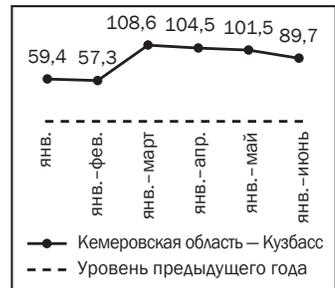
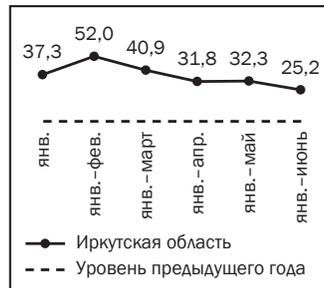
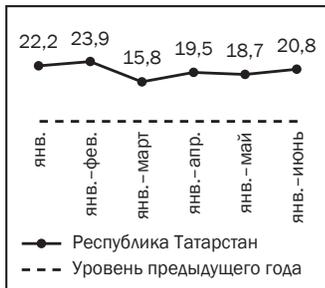
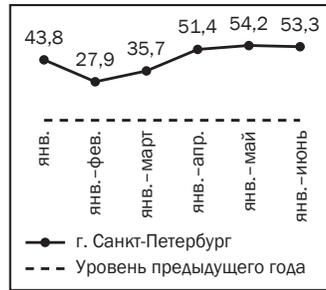
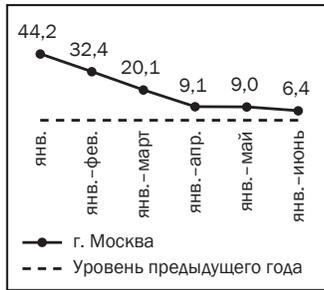
София Романовна Борисова, эксперт Экономической экспертной группы, г. Москва; младший научный сотрудник Центра бюджетного анализа и прогнозирования Научно-исследовательского финансового института Минфина России, г. Москва

Information about the authors

Aleksandra L. Osmolovskaya-Suslina, Head of the Fiscal Policy Direction of the Economic Expert Group, Moscow; Junior Researcher, Center for Budget Analysis and Forecasting, Financial Research Institute, Moscow

Sofia R. Borisova, Economic Expert Group, Moscow; Junior Researcher, Center for Budget Analysis and Forecasting, Financial Research Institute, Moscow

**ПРИЛОЖЕНИЕ. РОСТ ДОХОДОВ БЮДЖЕТОВ В 2022 г.
В ПРОЦЕНТАХ ПО ОТНОШЕНИЮ К АНАЛОГИЧНОМУ ПЕРИОДУ 2021 г.
(В РЕАЛЬНОМ ВЫРАЖЕНИИ)**

Статья поступила в редакцию 23.08.2022
Одобрена после рецензирования 11.10.2022
Принята к публикации 30.11.2022

Article submitted August 23, 2022
Approved after reviewing October 11, 2022
Accepted for publication November 30, 2022